

24. *Norwood G.* 1942: Rev.: Aeschylus and Athens. A Study in the Social Origins of Drama by G. Thomson // CPh. 37. 4, 437–441.
25. *Pickard-Cambridge A.W.* 1942: Rev.: Aeschylus and Athens. A Study in the Social Origins of Drama by G. Thomson // CR. 56. 1, 21–26.
26. *Rose H.J.* 1950: Marxvs dixit: ita est // CR. 64. 3/4, 127–129.
27. *Seaford R.* 1997: George Thomson and Ancient Greece // *Classics Ireland*. 4, 121–133.
28. *Seaford R.* 2000: The Social Function of Attic Tragedy: A Response // CQ. 50. 1, 30–44.
29. *Thomson G.* 1950: Aeschylus and Athens. A Study in the Social Origins of Drama. L.
30. *Ure P.* 1922: The Origin of the Tyrannis. Cambr.

KONSTANTIN ZEL'IN AND ATHENS: UNPUBLISHED “NOTES ON G. THOMSON’S LETTER TO THE VDI EDITORIAL BOARD”

S. G. Karpyuk

The paper presents the polemics that took place in 1952–1953 between the British professor G. Thomson and the Soviet historian Konstantin Zel'in: Thomson's letter to the editorial board of the Journal of Ancient History (*Vestnik Drevnei Istorii*, VDI) and Zel'in's notes on Thomson's letter, which have remained unpublished until today. Thomson's aim was a revolution not only in classical studies, but also in Marxist scholarship. As for Zel'in, he had to comply with Marxism by necessity, but he was not a convinced Marxist. The Soviet scholar criticized Thomson for factual mistakes and forced analogies, which were of little interest to Thomson, as he used them as auxiliary matter in his speculative constructions.

Keywords: Athens, Greece, historiography, K. Zel'in, G. Thomson, Marxism, Journal of Ancient History (*Vestnik Drevnei Istorii*).

© 2014 г.

К. К. Зельин

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ДЖ. ТОМСОНА В РЕДАКЦИЮ ВДИ*

1. Дж. Томсон в своем письме в редакцию ВДИ заявляет, что он выступает в духе критики и самокритики. Эта самокритика имеет своеобразный характер. Признавая некоторую односторонность и пробелы в своем изложении, автор остается целиком на прежних своих позициях, защищает прежние свои методологические приемы не только спорные, но и неправильные, поучая своих критиков (например, относительно опасности вульгаризации, с. 10)¹,

---

* Публикация С.Г. Карпюка по машинописному тексту из архива К.К. Зельина, хранящемуся в редакции ВДИ. Авторские орфография и пунктуация сохранены. Примечания также составлены С.Г. Карпюком.

¹ «Это, как я полагаю, первая попытка анализа искусства трагедии, сделанная марксистом; мне хотелось бы знать, что думают о ней мои советские коллеги. Однако Зельин не упоминает о ней. Вместо этого он сожалеет, что я мало сделал для определения политических взглядов Эсхила... К тому же, это такой вопрос, к которому следует подходить с величайшей осторожностью, чтобы не впасть в вульгарный материализм» (*Томсон Дж.* Письмо в редакцию // ВДИ. 1953. № 4. С. 111).

упрекая их в узости подхода (стр. 9)², в том, что в рецензиях не упоминаются его новые взгляды и основные тезисы (с. 2, 11)³ и проч. В письме выдвинута мысль о том, что анализ Томсоном форм землевладения в гомеровских поэмах является *новым* (стр. 2)⁴, что его анализ индо-европейских терминов родства ... *«также является новым»* (стр. 2)⁵, что его выводы по этому вопросу *«проливают свет на вопрос о древнейшем языке», «открывают новые пути исследования»* и т.д. (подчеркн. здесь и везде мною, К.З.)⁶.

2. Все это, может быть не стоило подчеркивать, если бы Томсон соблюдал необходимые условия добросовестной полемики: *считаться с тем, что было действительно написано в рецензии, а не с тем, что ему было угодно из нее вычитать*. Примеры несоответствия возражений Томсона высказываниям рецензента.

а) В рецензии *нигде нет ни слова* о том, что «в период, предшествовавший “демократической революции”», рабы играли *столь решающую роль*, «какую, по-видимому, приписывает им Зельин» (стр. 11)⁷.

б) Поучение Томсона относительно опасности «впасть в вульгарный материализм» (стр. 10)⁸ заставляет думать читателя, что рецензент делает эту ошибку и предъявляет к автору неумеренные и неправильные требования. Как в действительности обстоит дело? Томсон замечает (стр. 10): «...это такой вопрос (вопрос о политических взглядах Эсхила, К.З.), к которому следует подходить с величайшей осторожностью, чтобы не впасть в вульгарный материализм. Конечно, мы должны определять со всей возможной четкостью сознательное отношение художника к обществу; но, сделав это, мы не должны полагать, что таким путем мы объясним⁹ его искусство».

Все это является опять-таки домыслами автора: в рецензии нет ничего похожего на подобную попытку «объяснить» искусство Эсхила. Томсон в своем изложении сам затронул вопрос о политических взглядах Эсхила. В рецензии говорится, что решение Томсоном этого вопроса недостаточно, что не показана «связь высказываний поэта с политическими условиями его времени» (рец. стр. 185). И только. Ни о каком «объяснении» этим способом «всего искусства Эсхила» в рецензии нет речи. Если автор замечает (стр. 10–11)¹⁰: «Нашей

---

² «В соответствии со своим узким подходом к этому вопросу Зельин критикует меня за преувеличение роли денег и “среднего класса” или “класса купцов”, как я его иначе называю» (там же, с. 110).

³ «Целая глава моей более поздней книги (гл. VIII) посвящена этому вопросу [сравнительному анализу земельных отношений в первобытном обществе вообще]; эта глава построена на анализе Африки, Индии, Среднего Востока, средневековой и современной Европы (приложение к этой главе с дополнительными данными можно найти в чешском издании книги). Все это, насколько я знаю, является новым; это такой вопрос, о котором советские историки, в силу своей марксистской подготовленности, могут высказать особо квалифицированное суждение. К сожалению, Горнунг не коснулся этой темь» (там же, с. 107). «...Именно так я поступил с Эсхилом и показал, что трилогия Эсхила отражает, по форме и содержанию, демократическую идеологию нового класса купцов. Об этом выводе, который по существу является основным тезисом моей книги, Зельин не говорит ничего» (там же, с. 111).

⁴ Там же, с. 107.

⁵ «Мой анализ индоевропейских терминов родства, основанный на классификационной системе родства по теории Моргана – Энгельса, тоже является новым. Буржуазные критики чрезвычайно поверхностно отнеслись к этой части моей работы. Удивительно, что Горнунг и Зельин могли поступить так же» (там же, с. 107).

⁶ «Мои выводы по этому вопросу, помимо того, что они проливают свет на вопрос о древнейшем языке, открывают, если я не ошибаюсь, новые пути исследования в соответствии с последними достижениями теории языкознания» (там же, с. 107).

⁷ «Тем не менее Зельин правильно указывает на два серьезных недостатка. Во-первых, моя трактовка рабства в период, предшествовавший демократической революции, неудовлетворительна. По указанным выше причинам, я полагаю, что в этот период рабы не играли столь решающей роли, какую, по-видимому, приписывает им Зельин; но я не сумел ясно показать, что они были новой, развивающейся силой, которой суждено было преобладать» (там же, с. 111).

⁸ Там же, с. 111.

⁹ В опубликованном тексте: «объяснили» (там же, с. 111).

¹⁰ Там же, с. 111.

целью должен быть объективный анализ его (Эсхила, К.З.) искусства, как образного выражения настроений его времени...»; то ответом на попытку Томсона дать этот анализ и является один из «главных тезисов» рецензии (стр. 184), а именно утверждение¹¹, что «анализ Томсона не дает ясного ответа на вопрос о социальном содержании творчества Эсхила».

в) На стр. 183 рецензии я формулирую взгляды Томсона. Возражения сводятся к тому, что «Томсон мыслит переход от первобытно-общинного строя к классовому как переход от общинного быта к феодально-крепостническому, а не как возникновение рабовладельческого общества». Я не мог ставить своей целью изложение в рецензии своих собственных взглядов по тем четырем вопросам, по которым, как считает Томсон, я якобы возражаю ему (стр. 7)¹², хотя, например, едва ли вообще кому бы то ни было придет в голову отрицать тот факт, что «знать встретилась с ростом нового “среднего класса” купцов» и что знать эксплуатировала «обедневшее крестьянство». Сущность вопроса заключается не в отрицании того, что в Аттике в это время крестьянство подвергалось эксплуатации, что развивалось товарное производство и образовался «средний класс» купцов, но в том, что в изложении Томсона *стирается грань между процессом развития рабовладельческого общества и общества капиталистического*. Энгельс, о положениях которого я якобы «забыл», указывает *определенную перспективу развития уже в VI в.* «В течение ближайших 80-ти лет развитие афинского общества постепенно приняло направление, по которому оно развивалось далее на протяжении следующих столетий» («Происхождение семьи, частн. собств. и гос.», 1948, стр. 132). Энгельс говорит о том, что торговля и ремесло вместе с художественным ремеслом, развивавшиеся *на рабском труде*, сделались господствующим занятием. Люди стали более просвещенными. Вместо того чтобы по-старому жестоком образом эксплуатировать собственных сограждан, стали теперь эксплуатировать преимущественно рабов и покупателей не-афинян (Цит. соч. стр. 133).

г) Томсон рекомендует мне изучить нумизматические источники по вопросу о пифагорейцах из Кротона, если «Зельин все-таки сомневается в том, что они (т.е. пифагорейцы, К.З.) представляли новую аристократию богатства» (стр. 13)¹³. Между тем в рецензии (стр. 186) лишь выражено сомнение в том, что Пифагор «является первым представителем демократической мысли, защитником интересов крупных торговцев»; далее указывается на «консервативные или даже реакционные тенденции» пифагорейства (независимо от решения вопроса об его социальной опоре), говорится, что «пифагореизм в различные исторические обстановки является идеологией различных социальных групп» (стр. 186). Обо всем этом Томсон счел нужным не упоминать.

3. Томсон напрасно тратит усилия на то, чтобы доказать закономерность исторических аналогий, констатировать, что классики марксизма-ленинизма прибегали к ним: в этом никто не сомневается. Но есть аналогии и аналогии. Такие аналогии, которые вводят в заблуждение, содействуют перенесению в древность отношений и порядков, имеющих место лишь в обществе совершенно иной структуры, являющихся результатом позднейшего развития, неверны и способствуют искажению исторической перспективы, неправильному пониманию исторических явлений. Именно такими аналогиями нередко пользуется Томсон. В моей рецензии указано на то, что автор говорит о переходе Афин к экономике, основанной на денежном обороте (the monetary economy), не делая никаких оговорок. Но подобные же утверждения и также без всяких ограничений мы найдем во многих трудах буржуазных исследователей. Аналогия между Писистратом и Тюдорами, данная без ука-

---

¹¹ В тексте: утверждения.

¹² «Рассуждая о предшествующем периоде (до “демократической революции” Клизфена. – С.К.), Зельин возражает между прочим против следующих положений моей работы: 1) государство существовало уже до Солона; 2) правящим классом была землевладельческая знать, эксплуатировавшая обедневшее крестьянство; 3) знать встретилась с ростом нового «среднего класса» купцов; 4) имеются определенные аналогии между экономической и социальной структурой этого периода и феодальной системой» (там же, с. 109).

¹³ «Пифагорейцы из Кротона представляли “новую аристократию богатства”, которая “оттеснила на второй план старую родовую знать”...» (там же, с. 112).

зания на глубокое различие общественной структуры Афин VI в. до н.э. и Англии XVI в., может только содействовать укоренению буржуазных модернизаторских взглядов, какими бы благими ни были намерения Томсона. Аналогия между ролью Дельф VIII–VI вв. до н.э. и мощью средневекового папства просто нелепа (ср. рец. [стр.] 183)¹⁴. В другом месте автор пишет: «Нечто подобное (реформе Крисфена, К.З.) произошло в конце средних веков», – утверждение едва ли приемлемое для ученого, считающего, что он стоит на позициях марксизма.

4. В моей рецензии, конечно, имеется ряд пробелов и недостатков. Томсон упрекает меня в том, что в рецензии не говорится о некоторых его положениях, которым он склонен придавать главное значение, а именно о том, что трилогия Эсхила (и вообще трагедия) отражает демократическую идеологию нового класса купцов (стр. 10–11)¹⁵ и о выводе Томсона относительно систем родства (стр. 2)¹⁶. Эти указания на пробелы могут быть приняты с благодарностью. Однако, о «новом классе купцов» сказано в рецензии достаточно (стр. 183–184) и сказано *именно потому*, что Томсон с ним связывает творчество Эсхила. Разъяснения автора в его письме в редакцию несколько не устраняют сомнений, высказанных в рецензии. Вопрос о системах родства имеет отдаленное отношение к теме книги, а потому мною не рассматривался. Эскурсы Томсона в эту область свидетельствуют о том, что сближение Греции VI–V вв. до н.э. с «примитивной ордой» (см. рец. стр. 186)¹⁷ далеко не всегда является убедительным, что впрочем признает в какой-то мере и сам Томсон (стр. [11])¹⁸. Если Томсон счел ненужным затрагивать некоторые существенные возражения, сделанные ему рецензентом (напр., относительно отсутствия в его труде характеристики социальных группировок в Аттике VI–V вв. и проч.), то охватить все основные вопросы его книги в коротенькой рецензии было невозможно.

В заключение еще раз укажем, что письмо Томсона с его своеобразными полемическими приемами не заставило нас переменить мнение об его труде: автору принадлежит заслуга постановки ряда интересных вопросов, разрешение которых, однако, представляется еще делом будущего.

---

¹⁴ «Если еще сравнение между развитием христианства и орфизма... может быть принято, хотя и cum grano salis, то сравнение роли Дельф в VIII–VI вв. с мощью средневекового папства не является удачным: оно стирает характерную черту исторического развития Греции, которая в противоположность древнему Востоку и тем более европейскому средневековью, была в значительной мере свободна от влияния церковной иерархии» (*Зельин К.К.* [Рец.:] G. Thomson. Aeschylus and Athens. A study in the social origins of drama. London, 1950, стр. XII + 478 // ВДИ. 1952. № 2. С. 179).

¹⁵ «Нашей целью должен быть объективный анализ его искусства, как образного выражения настроений его времени; именно так я поступил с Эсхилом и показал, что трилогия Эсхила отражает, по форме и содержанию, демократическую идеологию нового класса купцов» (*Томсон Дж.* Письмо в редакцию. С. 111).

¹⁶ Там же, с. 107.

¹⁷ «...Томсон местами преувеличивает значение пережитков или, вернее, не учитывает того обстоятельства, что в старые привычные формы вкладывалось новое содержание, обусловленное не старыми, а новыми отношениями... Между “примитивной ордой” и расцветом ионийской науки... лежит большее расстояние, чем это представляется из изложения автора» (*Зельин К.К.* [Рец.:] G. Thomson. Aeschylus and Athens. С. 186).

¹⁸ «Во-вторых, как отмечает Зельин, «между “первобытной ордой” и расцветом ионийской науки... лежит большое расстояние» (ВДИ, 1952, № 2, стр. 180 [правильно – с. 186. – С.К.]), чем это представляется из моего изложения. Да, действительно, – весь бронзовый век! В моей следующей книге я попытаюсь восполнить этот пробел» (*Томсон Дж.* Письмо в редакцию. С. 111–112).